

АНЖЕЛА РЕЙ

ПЕСОК

Анжела Рей

Песок

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Рей А.

Песок / А. Рей — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

Старое поместье и заброшенный дом хранят много тайн. Сами того не желая, юный цыган Норт со своим новым приятелем Призраком оказываются вовлеченными в роковое стечение обстоятельств: похищение, побег из тюрьмы, верная гибель на топиях болота и неожиданное спасение. Все случайные события связаны с обитателями поместья и старинным семейным проклятием. Три страшные смерти лежат на совести одного из членов семейства.

© Рей А.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Анжела Рей

Песок

*У каждого свой Путь, но когда-нибудь он будет пройден. А потому
надо превратиться во что-то иное, начать новый путь.*
Пауло Коэльо.

Любовь – вовсе не состоящие души, но знак Зодиака.
Габриель Гарсия Маркес.

Нет смерти легче, чем сказать «Прощай».
Джон Донн.

Сон завладел им мгновенно, вспыхнув алым над серой завесой тумана. Он снова увидел старый дом.

Белый соленый ветер тянулся до самого горизонта. Над ним белые треугольники облаков прошлого шли вереницей в дрожащем мареве заходящего солнца. Миражи разбойничали повсюду. Красный песок заката волнами тянулся по дну пересохшего русла. Огромный старый дом на холме тоже казался видением, то появляясь, то исчезая в наплывах раскаленного воздуха. Песок не хранил ни одного следа.

Горячая медь молотка обжигала ладонь. Он помедлил, прислушиваясь. Шелест песка, молчание ветра...

– Просыпайся, Призрак! Твоя очередь дежурить. Разбудишь утром. Похоже, они тоже устали, как собаки. Мы оторвались, но черт знает этих наемников. Надо пробираться к топам, там они нас не достанут.

– Сколько времени? Не такая я важная птица, чтоб гонять меня день и ночь. Это за тобой охота. – Проворчал Призрак, которому показалось, что он едва успел закрыть глаза. Дом все еще дрожал в косых порезах солнечных лучей. – В таком тумане и ад не найдешь.

Его сетования прервало ровное дыхание Норта, уснувшего на слове «сколько». Призрак зевнул и поежился. Сырой сумрак с трудом сдерживал слезы, но дождь должен был разразиться с минуты на минуту. Серые стволы огромных деревьев, поросших мхом, с которого капала вода, напоминали мрачные колонны, подпирающие мокрое небо. Ноги онемели, желудок скрутило от голода. Призрак порывлся в холщевом мешке – единственной ценностью, оставшейся у него после встречи с наемниками и заключением в темницу, где он пробыл недолго, увязавшись за Нортом. Карта на тонкой, но прочной кальке едва прощупывалась в секретном отделении. По счастью, грубые пальцы людей, привыкших убивать без размышлений, не почувствовали легкого натяжения ткани. С едой было хуже. На дне мешка сиротливо бледнели крошки, которые Призрак аккуратно отправил в рот, тщательно собрав негнушимися пальцами.

– Интересно, как я узнаю, что прошел час? Что мы будем есть в топах, и, зачем Норт согласился освободить меня, совершенно незнакомого человека, и взять с собой? – Продолжал задавать вопросы туману замерзший Призрак. – Конечно, разные люди бывают, но...

Дождь разразился быстро и шумно, заполнив чашу шепотом, всхлипыванием и бульканьем лопающихся пузырьков. Норт сел, тряхнув головой.

– Нам лучше пойти дальше, не то совсем озябнем. – Предложил он, потирая глаза. – Говорят, в топах живет Костлявый Безумец, добрый старик-отшельник.

– Я тоже слышал о нем, но если честно, не очень-то поверил. Звучит странно «добрый безумец». Такой придушит во сне и спасибо не скажет...

– Выбора все равно нет. Хочешь, возвращайся в темницу, там хоть сухо, может быть, даже покормят.

– Спасибо большое. Меня даже допросить не успели, но все эти приспособления на стенах... Пойдем поищем старца.

Жижа противно хлопала под ногами, ледяной дождь лился за ворот, зубы сводило судорогой. Топи встретили их черной пастью и корявыми стволами, похожими на расшатанные зубы. Пахло серой и гнилью. Тьма надвигалась с востока.

– Ночью, не зная дороги, идти опасно. Пропадем. – Стуча зубами, пробормотал Призрак.

– Дороги? – Искренне изумился Норт. – Ты считаешь, здесь есть дорога? Он тоже вымок и устал. Его бледное лицо облепили мокрые волосы. Глаза казались черными и огромными.

– Слушай, а на что ты рассчитывал, взламывая замок своей камеры? Местности ты не знаешь, еды у тебя нет, теплой одежды тоже! Это же безумие! – Взорвался Призрак. – Ты смерти ищешь? А еще меня выпустил, ты же меня не знаешь, а вдруг я тебя сейчас зарежу и съем!

Норт опустил голову, словно обдумывая слова Призрака. Потом резко выпрямился, заглянув его холодные карие глаза.

– Ешь.

* * *

В огромном поместье десятки слуг зажигали свечи. Белоснежные перчатки, словно бабочки, порхали по полутемным залам. Из сада было видно, как медленно, один за другим, открываются желтые глаза окон. Вечер снял излишки красок заката с лепестков и листьев, оставив естественный тон. Фонтан в центре бил веселыми блестящими струями, намочив крылышки ожиревшего ангела, чьи пухлые щеки сильно сужали ему обзор. Вероятно, поэтому никто пока не пал жертвой его стрел.

В янтарных глазах кота, словно комар, пойманный вечностью, застыло время. Он презрительно урчал на коленях хозяйки, нежно теребившей его ухо костлявыми пальцами. Суeta в доме означала только одно: еще один скучный вечер. Через час начнут прибывать гости. Через три – разъезжаться, как только иссякнут сплетни и шампанское. Кот демонстративно зевнул, выпустив острые коготки.

– Ты прав, Момо, все это порядком надоело. Сегодня я не спущусь к гостям. Ночь опять была беспокойной. Сон не шел ко мне, Момо. Грехи тяжким бременем отягощают душу. Мне страшно. Я покаюсь святому отцу, он велел молиться. Во взгляде было осуждение. Скоро я явлюсь перед судом... – Голос старухи звучал глухо и взволнованно. – Я во всем признаюсь, надеюсь, они поймут меня и простят. Впереди только страдания.

Кот фыркнул и прыгнул с колен, встряхнул рыжей гривой и направился в кухню. Впереди у него было еще восемь жизней, белое мясо курицы и свежий сырой желток.

Молоденькая служанка терпеливо ждала распоряжений. Ее белокурые волосы были аккуратно забраны в хвост, округлое личико сохранило выражение детской доверчивости. Большие серые глаза светились рассудительностью. Она неловко теребила край кружевного передника.

– Марта, проводи меня в мои покои, милая. – Попросила старуха. – И пришли Хикумо.

– Хорошо, мадам. Только он просил не называть его так, он обижается, мадам. А когда, за завтраком, Вы сказали, что стены его кабинета выложены остекленевшими глазами мертвецов... Я так испугалась, чуть поднос не выронила...

– Довольно, милочка, такая уж у него работа. Переправляет людей из мира живых в мир мертвых. Ты знаешь, каково это приговорить человека к смерти? Возможно, он тоже мучается бессонницей.

– Он всегда так смотрит, словно душу отбирает. Сейчас за ним схожу, он в зале с другими гостями.

* * *

От замка осталась башня, похожая на обглоданную с одного края кость. По нему когда-то шла лестница, рухнувшая под гнетом времени. Полукруглое основание ушло в траву и корни вековых деревьев, обнажая оскал решеток когда-то темного подземелья. Маленький круглый дворик, усыпанный обломками желтого песчаника, был переделан под караульное помещение: деревянный навес служил крышей, в центре в землю был врыт большой деревянный стол из потемневшей древесины и пара простых лавок. За крошками на стол порой спускались любопытные юркие белки.

– Как то есть сбежали? Да вы знаете, почему у нас здесь тюрьма? В развалинах замка отлично сохранились подземелья. С одной стороны – откос, отвесная стена скалы. Уходит в овраг метров на сто. С другой – топи, болота с огоньками, как в страшных сказках. Посередине – лес, чащоба без просвета. Ночами воет кто-то. Да если заключенный чем-то недоволен, я только скажу: иди, милоч, на все четыре стороны, особенно если дело к ночи, так он на коленях молит остаться. И все у него сразу становится хорошо. А тут сбежали! Двое! Вы, верно, шутите, где заключенный из восьмой? Я должен его допросить. – Толстый начальник тюрьмы раздраженно покосился на крупного молодчика с переломанным носом. Короткие пальцы нервно ворошили стопку бумаг на столе, передвигая ее с места на место.

– Высылали погоню, на, целый день, на, лес прочесывали. – Лениво процедил наемник, чистя ноготь острием широкого ножа. – Ребята чуть не околели. Туман такой, что вытянутую руку, не видно. Тут еще ливень начался. Если не сдохнут, на, вернутся под утро, приползут. Жрать запросят. Сопляки оба.

– Хорошо, если приползут, а то Одноглазый шутить не любит.

При звуке этого прозвища наемник вздрогнул и выпрямился. Аккуратно убрал нож в чехол.

– Что, был гонец? – Настороженно поинтересовался он. – Требовал кого-либо из заключенных?

– А почему, собственно, Призрак? – Почувствовав внезапный интерес, осведомился толстяк, оставив, наконец, стопку, угрожавшую чернильнице. – Кто он по документам? В розыске?

– Да нет у него документов. Проходимец какой-то. У нас Хью – собиратель мифов. Никак из него эту дурь не выбью. Читать он, видишь, любит. Нашел, на, пару книжек в разрушенной библиотеке, аж хрюкал от радости. Ребята над ним, подтрунивают, но осторожно. Он ударом кулака с ног быка свалит. Казалось бы, нормальный мужик, ан нет, читает он, понимаешь, в сортире... Просвещается. Ну, я, на, отвлекся. Так нашел местную легенду про этого, как его, на...остронотуса, нет, астролуга. Старика, значит. Звезды, на, наблюдал, это в таком-то тумане! Только замок уж разваливаться начал. Все из него и ушли после пожара. Один старикан остался. Залез он со свечой на башню, а лестница возьми и обвалилась. Кричал он, значит, кричал, а потом засмеялся и помер. Во как. С тех пор свет на башне по ночам светиться стал... и смех слышится...

Посмеялись ребятки мои, да спать легли. Только ночью караульный как заблажит: свет на башне! Призрак! Тут все повскакали, и, ей-ей, свет. И тень по стене ползет.

– А чего он смеялся-то, коли помирать собрался? – Разволновался начальник, стирая пот с блестящей головы сальным носовым платком. – Никак помешался?

– Хрен его разберет, только взялся он гнусно хихикать, видя нашу такую потерянность. И пальцами в нас тыкать, указать нам, понимаешь. Тут Янин не выдержал. Он как выпьет, медведю глаз натянет. А тут, на, какой-то щуплый призрак. Закинул кошку, полез, глядь, сопляк по башне мечется, Призрак, значит. Как он его сразу не прибил, один бес знает. Смех его

пробрал, так исходил, думали, концы отдаст. А сопляк не растерялся, вперед его спустился и в камеру забился, закрыть его просил. Закрыли из жалости. Так Призраком его и окрестили.

Толстяк развеселился, прыскавая в кулачок.

– Представляю, такой щуплый... А тут Янин! Наверно, в штаны наделал! Сам в камеру! – Лысина его краснела, из глаз просились слезы.

– К делу. – Жестко оборвал наемник, теребя рукоятку ножа. – Кто был нужен Одноглазому?

* * *

– Что ж, если в меню всего одно блюдо, – медленно процедил Призрак, доставая из рукава нож. – Меня ведь не обыскали толком, только сумку прошманили, еду вытряхнули, спички. – Он двинулся к Норту сквозь липкую грязь. Норт стоял, не двигаясь, следя за лезвием зелеными, как ряска, глазами. Рука с ножом поднялась, набирая размах, когда острое осветилось живым трепетом огня. Призрак тоже застыл, не смея поверить глазам. На лезвии плясало пламя. Они повернулись одновременно, замороженные веселыми бликами на черной поверхности топи. Сотни крошечных огоньков, повинаясь единому ритму, плясало вокруг. Они манили за собой, обещая твердь и сушь, они звали, обещая сытость и безопасность, они зачаровывали, обещая сон и небытие. Беглецы слепо пошли вперед, черная грязь быстро подбиралась к горлу, высасывая последние силы. Нож выскользнул из ослабевших рук Призрака. И тут все огоньки погасли, словно кто-то задул именинный пирог. Очарование рассеялось. Ноги глубже уходили в тину. Холод сковал тело.

– Прости, я не хотел тебя есть, просто хотел проверить... – Грязь подбиралась ко рту.

– Я понял, ты тоже прости... – Ливень заливал запрокинутые лица. Призрак первым пошел ко дну, когда могучая рука подхватила его, вынося во тьму, которой можно было дышать.

– Сегодня ночь моего второго рождения. – Вяло подумал Призрак, прежде чем кануть в темный омут.

Раскаленный воздух дрожал, расслаивая белые облака над горизонтом. Солнце истекало кровью, пятная песок. Алые птицы заката тянулись к полуночи. Молоток раскалился, обжигая ладонь. Юноша медлил. Закат пронзал воздух острыми лезвиями лучей. Рука выпустила молоток, не в силах сдержать жар. Он беззвучно ударил в дверь. Облачко пыли взвилось над разошедшимся деревом.

Тепло растекалось по телу, отдаваясь блаженством в каждой клеточке. Лежать было мягко и сухо. Чья-то огромная рука приподняла его голову, влив в полуоткрытый рот густой ароматный настой. Призрак приоткрыл глаза. Огромное толстое существо радостно улыбнулось ему. Детское розовое лицо смотрело с заботой и любовью. На нем был передник с рюшечками, но его хватало лишь на половину живота. В грубо сложенном камине пел огонь. На покосившихся полках вдоль стен стояли пыльные книги всех мастей. Над огнем сохли их постиранные вещи, в том числе и холщевый мешок. Призрак нервно дернулся.

– Не волнуйся, – Прошептал великан, нагнувшись к его уху. – Карту и заначку я вытащил и спрятал.

За столом, сделанном из двери, сидел строгий старик, сухостью и худобой походивший на богомола. У его ног покоился разошедшийся деревянный ящик.

– Он зашнуровал на вошеснадцать тыщяч лет, потому, что не жнал, что делать дальше. – Изрек старик, подняв в воздух кривой указательный палец. – Вот почему так важно жнать, ради чего живешь.

Видимо это была заключительная часть речи, обращенной к гигантскому младенцу. Последний улыбнулся еще шире, приподнимая ватное тело Норта. Он умело залил дымящийся напиток в рот юноши. Тот закашлялся. Гигант нежно постучал его по спине.

– Где мы? – Задыхаясь, спросил Норт.

– Не волнуйся не в камере замка. – Оглянувшись на старика, великан добавил. – Мы друзья, здесь вы в безопасности.

– Небошь, проголодались, вон щуплые какие. – Прошамкал старик. – Мама, готов ли наш ужин? Однако, хочешь есть. Пахнет не дурно. Кштати, не плохо бы отыскать Шейбу, и насыщать иж шошков ее.

Тут Призрак ощутил такой приступ голода, что у него потемнело в глазах. Мама оставил Норта, метнувшись к печи. Надев толстые рукавицы, он извлек из раскаленного нутра глиняный горшок, заполнивший ароматом всю хижину.

– Все готово, Безумец! – Радостно воскликнул он. – Прошу всех к столу.

Мама ловко разложил тарелки и приборы, глубоким черпаком разлив густую ароматную похлебку. Аккуратно нарезал хлеб, прижав буханку к груди. Разлил пенящийся сидр. Ближайшие четверть часа прошли в тишине, только птицы кашляли в лесу, а Мама, смахивая скупые слезы, накладывал добавку в тарелку Призрака. Поев, оба гостя отправились спать. Норта бил озноб. Мама дал ему второе одеяло.

– Воскрешнув, он огорчился. «Что же мне делать дальше?» – Голос старца дрожал от непонятного возбуждения. Соленые морщины натянулись на взволнованном лице. – Вот почему каждый должен жнать, ради чего он живет, и вше делать в шрок. – Немного помолчав, он добавил некстати. – Я жапретил птицам шмеяться.

Младенец страдальчески поднял брови.

– Да, да. У наш гошть «ш блештящими глазами в доме». Ты понимаешь? – Шепотом добавил он, оглянувшись на спящих гостей. – Такое не чашто шлучается. Надо бы помочь ему, предоштеречь. Уж больно горяч.

* * *

Утром Мама вернулся с топей с хворостом и новостями. Скинув, охাপку в угол кухни, он тщательно вытер покрасневшие руки о передник. Великан говорил, не отвлекаясь от работы, умело разведя огонь в очаге.

– Там наемники по болотным огонькам палят из ружей, зачем? Сети закидывают...неужели надеются в трясине рыбы к ужину наловить? Или ума лишились?

Старик привычно поднял палец, отвечая на вопрос. Его травянистые брови сошлись на переносице.

– Режкое колебание вождуха, по мнению некоторых, выживает подъем болотных гажов, а ш ними и мертвых тел. А шолнце унеш ветер.

Норта передернуло. Призрак улыбнулся.

– Твое тело ищут. – Весело сообщил он, подмигнув Норту. – Ну, и мое заодно.

– Они могут придти сюда? – Тяжело привстав, беспокойно поинтересовался юноша.

– Ишключено. Ждешние тропинки жнает только Мама. Школьных мертвецов он перевидал! Вам повежло, что он коржину на том берегу оштавил, да вернулся. Пропала коржина. Иж глаж первого мертвеца вожникло шолнце. – Как всегда нелепо закончил Костлявый Безумец.

Норт с облегчением откинулся на подушку и закрыл глаза. Мама положил ладонь на его влажный лоб.

– Жар у него. – Пожаловался толстяк. – Пойду, сделаю настойку.

Призрак увязался с Мамой на маленькую кухню. Он с ногами вскарабкался в старое кресло, удобно устроившись поближе к огню.

– Что это старик все время бред несет? Вроде, не дурак.

Мама тепло улыбнулся, доставая из располневшего и постаревшего буфета мешочки с сухими травами.

– Он был знаменитым ученым. Изучал древние культы или как это называется. Целыми днями книги читал, и нашло на него просветление. Помню, он все твердил: о, если мог бы я быть самому себе незнакомым! Прозрел он будущее. Неправильно, говорит, мы живем. Прежде люди так никогда не жили.

Я тогда мальцом был на побегушках. Сиротой никчемной. Он мне много рассказывал, только я не запомнил. Решил он уйти от суеты в глушь. Продал имение и выкупил кусок земли на топах и кое-какие мелочи. Я с ним пошел, куда ему одному – ни дров нарубить, ни воды принести. Огородик у меня за домом, коза. Так мы и живем здесь.

Призрак задумчиво катал по столу шарик из хлебного мякиша. Его короткие светлые вихры непослушно торчали во все стороны. Над пухлыми губами вился первый пушок. В карих глазах смешались дерзость и печаль.

– Я бы со скуки умер. Так ты здешние места хорошо знаешь?

Мама улыбнулся, понимающе кивая.

– Карта твоя – фуфлю, прости за слово нехорошее. Кто составлял, извести людей хотел, нарочно все гиблые места крестами отметил. Прости, что заглянул, просто, местность знакомой показалась, вот и не удержался.

– А что, уже навевался кто-то? О каких мертвецах толковал старик? Неужто, утонувшую церковь искали? Кстати, ты ее видел?

– Сколько вопросов! Искали ее, только я понять не могу – зачем? От нее ничего почти не осталось. Срам один. Тебе-то она зачем?

Призрак сделал трагическое лицо и придвинулся к Маме вплотную. Тут же сплюнул и отодвинулся.

– Слушай, не могу я тебя Мамой называть! Ну, какая ты мне мама? То есть – какой? Придумай что-нибудь поприличней. Мамай или Мазай, я не знаю.

– Чем плохое имя? – Обиделся толстяк. – Призрак лучше? Ты бы еще Пугалом назвался Огородным.

Он отвернулся к очагу, и, обиженно сопя, взялся отбирать сухие травы из мешочков, повесив на огонь котелок. Призрак поразмыслил о чем-то и принес хворост из угла кухни и подбросил в огонь пару сучьев.

– М-мама, прости, устал я что-то. Хотел с тобой поделиться тайной. Ты умеешь тайны хранить?

Мама продолжал возиться у очага, поджав губы, хотя сопеть стал тише, было понятно, что он заинтригован.

– Так вот, слушай. Только никому. Мое настоящее имя Поликсенес Эрнст Теодор Амадей не могу сказать полностью, пока не найду отмщения, я и так довольно открылся. Родился я в очень богатой и благородной семье. Рос я счастливым ребенком. Все меня баловали и любили, пока матушка моя не захворала и не уехала лечиться в частную больницу где-то высоко в горах. Отец ее очень любил и скоро поехал следом, оставив меня на попечение многочисленных родственников.

Тут тетка, лечившаяся от бесплодия всю сознательную жизнь, вдруг забеременела и родила сынишку. Стало ее заедать, что ее отпрыску ничего не светит, так как все состояние я получу. Тогда она заплатила викарию, чтобы он из церковной книги изъял все данные обо мне, будто я не рождался. Старый подлец продал меня, не моргнув глазом. По счастью, были среди родни и честные люди. Мой старший кузен тоже посвятил себя церкви. Так он случайно весь разговор подслушал, схватил книгу и сбежал, куда глаза глядят. Долго странствовал он по свету, пока не набрел на местную церковь. Она тогда была симпатичней. Тогда он спрятал

книгу и нарисовал эту карту. Вложил вместе с запиской в мою любимую книжку, с которой я не расставался ни днем, ни ночью.

Призрак замолк, уставившись в огонь, словно углубившись в воспоминания. Во дворе заблел коза.

Я же ни о чем не догадывался, поскольку был мал. Викарий признался, что книга пропала. Тогда тетка решила действовать наверняка и устроить мне несчастный случай. У тебя из котелка что-то бежит. Ага, вот так-то лучше. О чем я?

– Несчастный случай. – Подсказал толстяк замирающим голосом.

– Ну что ты так разволновался, я здесь, с тобой, значит, жив остался. Был у меня урок верховой езды. Так тетка на конюшню пробралась и под седло моей бедной лошади какой-то дряни накрошила. Это все я уже потом понял, а в тот день Эсмеральда понесла, да так, что меня нигде найти не могли. Она сбросила меня в чаще густого леса, вокруг поместья леса были непроходимые, вроде как здесь, я упал, и ничего потом не помнил. Видимо от страха. Знаешь, ветер в ушах свистит, все вокруг тебя кружится, а ты ничего не можешь сделать.

Меня подобрала старуха. Такой я был ладный ребенок, что задумала она меня себе оставить. Сначала я верил, что она моя родная бабушка, мы прожили вместе несколько лет, а потом случайно наткнулся на книжку, которую она схоронила за половицей в чулане. Это был просто взрыв в голове. Я сразу все вспомнил и, не попрощавшись с бабулей, отправился к поместью. Там меня ждало горькое разочарование и боль утраты. Меня никто не узнал, в дом не пустили, зато слуги сообщили, что родителей больше нет, а наследник моего состояния прыщавый урод с ярко выраженным слабоумием. Тогда я поклялся восстановить справедливость, найти книгу любой ценой и вернуть себе все, что принадлежит мне по праву рождения.

Мама плакал, уткнувшись в передник.

– Бедный мальчик! Я помогу тебе, я тебя не оставлю. Хочешь печенья или сушеных яблок?

Глаза Призрака блеснули. Он обнял Маму и взял протянутое печенье.

– Только сам я туда пройти не смогу, крупноват я для этих проходов. Тебе понадобится помощник, одному там никак. Попроси Норта с тобой пойти, объясни ему все, он, кажется, хороший парень.

Призрак напряженно жевал печенье.

– Я его совсем не знаю. Присмотрюсь к нему недельку, там видно будет. Сидр остался?

* * *

Момо внимательно огляделся по сторонам, замерев на мгновение, затем осторожно выпустил добычу изо рта. Кончики рыжих ушей чутко двигались. Пару минут он лежал, вертя хвостом и прислушиваясь, не спуская с нее глаз, затем прыгнул и азартно закружился по зале. Он так увлекся игрой, что не заметил Бетти, крадущуюся к нему. Лотти блокировала дверь. Девочки подхватили кота и его добычу с победными криками и полетели вверх по лестнице, обгоняя и толкая друг друга, в покои графини.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.